

© 2014 г.

С. Ю. Сапрыкин, Н. И. Винокуров, А. В. Белоусов

ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ (Его жители и культуры)*

В статье исследуются находки, обнаруженные за последние годы на боспорском городище Артезиан в Восточном Крыму, которое существовало в позднеэллинистическую эпоху и погибло в сильном пожаре в середине I в. н.э., очевидно, в результате римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. Описываются также остатки построек, разрушенных и сгоревших в пожаре, обнаруженные при раскопках «цитадели» городища. Впервые публикуются граффити с фрагментами ученического упражнения, надгробие с изображением всадников и именами умерших жителей городища, головка Аттиса во фригийском шлеме. На основании этих находок и личных имен на остраконе с ученическим упражнением и на надгробной стеле авторы приходят к выводу о проживании на городище выходцев из Фракии или фракоязычных районов Малой Азии.

Ключевые слова: Артезиан, Боспор, Рим, Аспург, Фракия, Аттис, «цитадель», катойкия, всадники, Фракийский всадник, сидящая богиня, Апатур, богиня Владычица, Артезианская археологическая экспедиция (ААЭ).

Крепость городища Артезиан, получившая условное название «цитадель», располагается в центре всего городища и доминирует над окружающей местностью. Она возникла в I в. до н.э. – начале I в. н.э. и представляла собой укрепленное строение прямоугольной формы с каменно-земляными укреплениями со сторонами 40–45 × 50–55 м (рис. 1). Оборонительные сооружения «цитадели» сформировались в течение двух основных этапов ее существования –

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира истфака МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МГПУ.

Белоусов Алексей Владиславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков истфака МГУ им. М.В. Ломоносова

* Статья подготовлена в рамках проектов «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» РГНФ № 12-01-00122а и «Магические надписи античного Северного Причерноморья» РГНФ № 12-01-0116а. Авторы выражают искреннюю благодарность С.Р. Тохтасеву за ценные замечания по статье.

в I в. до н.э. – 44/45 гг. н.э. и в середине I–II в. н.э.¹ Первый период функционирования крепости завершился взятием ее штурмом в ходе римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э., когда она полностью сгорела. Наиболее сильно выгорели внутренние постройки, чуть меньше помещения по внешнему периметру крепостных стен и башен. Катастрофа имела глобальный характер, она затронула не только крепость, но и прилегавшие к ней жилые кварталы, где также открыты следы пожара. По всей видимости, городище погребено полностью. После этого в середине – второй половине I в. н.э. слой пожара был сnivelирован, каменные основания крепостных стен выбраны, траншеи засыпаны переотложенным слоем пожара, который частично перекрыл и внутренние помещения «цитадели», место пожарища выровнено и использовано для возведения новой, большей по размеру «цитадели». Остатки сооружений и бытовых предметов, сгоревших в пожаре, были сброшены в траншею выборки крепостных стен и стен внутренних помещений ранней «цитадели». Значительная часть находок находилась в переотложенных сбросах пожара. Среди них преобладали обломки керамики первой половины – середины I в. н.э., которые очень пострадали от огня – они сильно обожжены либо вообще пережжены².

Система планировки и конструктивные особенности ранней «цитадели» в целом напоминают принципы строительства укреплений на царской хоре европейского Боспора, в частности, таких, как поселения Ново-Отрадное³, Михайловка⁴, Чокракский мыс⁵. Их условно называют «резиденциями» наместников административно-территориальных округов царской хоры⁶. Эти памятники боспорского военно-инженерного искусства представляли собой сильно укрепленные форты прямоугольной или квадратной формы с мощными высокими стенами и четкой внутренней планировкой, основу которой составлял центральный двор как главное планировочное ядро. Помещения внутри крепости обычно занимали пространство между двумя, реже тремя параллельными стенами, из которых внешняя стена являлась крепостной стеной всего поселения. Толщина их внутренних и внешних стен позволяет говорить о нескольких этажах застройки, однако башен, выдвинутых за линию стен, эти укрепления, как правило, не имели (впрочем, в ряде случаев они все же могли возвышаться по углам)⁷. Крепости дополнительно защищались рвами.

Ранняя «цитадель» на городище Артезиан имела небольшие размеры и почти квадратную форму (рис. 1). Ее площадь достигала 773 м² (внутри цитадели в пределах 482 м²)⁸, что близко размерам других крепостей Боспора. Такие крепостные

¹ Винокуров 2005, 50–60.

² Винокуров 1998.

³ Кругликова 1975, 13 сл.

⁴ Петерс 1978, 124.

⁵ Масленников 1998, 12 сл.

⁶ Часть таких укрепленных поселений стала возникать на царской хоре еще при Митридате Евпаторе и Фарнаке II (Saprykin, Maslennikov 1995, 261–281; 1996, 1–14; Сапрыкин 1996, 270–280).

⁷ Ср., например, поселение Ново-Отрадное 2-го строительного периода с квадратной башней на углу (Saprykin 2001, 287–288).

⁸ Эти параметры еще могут быть скорректированы, так как промеры проводились по траншеям выборки стен. Также не удалось определить достаточно точно размеры «цитадели» с севера на юг. Ее северная часть перекрыта стеной поздней цитадели и пока недоступна для исследования. До раскопок 2012 г. предполагалось, что площадь цитадели была несколько больше – 856 кв. м, а внутри – 546 м².

сооружения типичны для второй половины I в. до н.э. – начала I в.н.э., а их распространение можно связывать с правлением боспорских царей Асандра и Аспурга⁹.

Время постройки ранней цитадели пока точно не установлено. Вероятнее всего, это произошло при Асандре и Аспурге, поскольку в слое разрушения крепости найдены изображения тамг времени Динамии и Аспурга. Они сохранились на известковой монументальной плите, которая была установлена перед въездом в крепость¹⁰, а также на стенках сосудов и игральных костях. Видимо, при Динамии и Аспурге крепость переживала наибольший расцвет. При постройке ранней цитадели были разрушены кварталы I в. до н.э. – I в. н.э., от которых остались полуподвальные сооружения, перекрытые слоем разрушения с большим количеством обломков черепицы местного производства. По нумизматическим материалам они датируются временем правления Асандра, следовательно, период бытования ранней «цитадели» укладывается в пределы второй половины – конца I в. до н.э. – 44/45 г. н.э.

Внутри «цитадели» раскопано десять прямоугольных помещений, которые составляли полуподвальный ярус ее застройки (рис. 1). Три внутренних помещения располагались вдоль западной крепостной стены с юга на север: юго-западное угловое помещение 1, узкое помещение 2, выполнявшее, по-видимому, функцию проходного, и северо-западное помещение 3. Вдоль южной стены следовало помещение 4, – скорее всего, внутренний дворик «цитадели». Три других помещения, 5–7, примыкали к ним с востока. Восточнее помещения 4 располагались помещения 7 и 10, имевшие хозяйственное назначение. В северной части цитадели находились помещения 5, 6, 9 и в одном из них была мукомольня. Помещения в жилых строениях соединялись друг с другом проходами, которые были вымощены крупными плитами ожелезненного мшанкового известняка и плитами из разобранных более ранних построек. На некоторых плитах заметны следы цемянкового раствора, скорее всего, от разобранных виноделен. Внешняя поверхность плит заглажена ногами и прокалена огнем. Вымостки покоились на слое погребенной почвы, также пострадавшей от огня.

В хранилищах с пифосами, вкопанными на разную глубину, вымостка была только вокруг сосудов, полы же были глинобитными или дощатыми. В мукомольном помещении 6 зафиксирован пол или помост из досок, там же находились плиты зернотерок. Некоторые сосуды были выкопаны перед штурмом, чтобы в образовавшихся на их месте ямах можно было бы спрятать клады. Осажденные в крепости люди сильно спешили, поэтому разбивали сосуды, а мотыги, которые использовались для этой цели, бросали рядом.

Все внешние поверхности стен внутренних помещений «цитадели» сильно обгорели. Наибольшие повреждения от действия огня прослежены в стыковочных узлах кладок. Камни, выходявшие на фасад, растрескались как по вертикали, так и по горизонтали, они прокалены пожаром до красно-бурого цвета, покрыты копотью, крошились и расслаивались. Такие перегоревшие, лопнувшие на куски квадры не годились для строительства, поэтому их не использовали при возведении новой «цитадели».

В северо-восточном углу помещения 4 уцелел слой пожара времени римско-боспорской войны, в котором обнаружены два уникальных клада с боспорскими и римскими монетами и ювелирными изделиями. Это жертвоприношения,

⁹ Сапрыкин 2002, 207–223; 2002а, 177–203.

¹⁰ Винокуров 2004, 79–88.

совершенные на том уровне поверхности, где были сделаны неординарные находки: римский железный меч – гладиус типа Майнц варианта Фулхем (к.о. 77/2009), краснолаковый кувшинчик (к.о. 37/2009), большая мотыга (к.о. 120/2009). Они находились в плотном утрамбованном слое, горизонт которого был полностью покрыт черной жирной сажей с мелкими угольками толщиной в несколько сантиметров. Именно на этом ярусе прослежен мощный горелый слой пожара 44/45 г. н.э.¹¹ – тонкая прослойка сажи (от сгоревшей нефти или масла?) и перекрывающий ее слой горения синхронны, они фиксируют разные этапы катастрофы, происходившие в очень короткий промежуток времени, скорее всего в течение нескольких часов. Причем ни один из продуктов горения из слоя пожара не попал в грунт, которым засыпали клады, положенные в яму от пифоса. Следовательно, сокрытие кладов произошло до начала пожара и появления первой прослойки сажи.

Помещения 5 и 6 отделялись друг от друга тонкой двухлицевой двухслойной тычково-ложковой перегородкой из мелких и средних бутовых камней на глине. Перегородка сильно обгорела, ее камни и соединительный раствор прокалены до красно-бурого цвета. Вполне допустимо, что на первом этапе это было единое помещение. Вымостка в помещениях 5–6 была покрыта тонким, очень плотным слоем золисто-глинистого грунта без находок. Она появилась до постройки перегородки, разделившей помещения 5 и 6. При исследовании вымостки раскопано несколько вырезанных в плитах округлых углублений неправильной формы, куда устанавливались пифосы и амфоры. Некоторые из ямок могли быть приспособлены для установки опорных столбов перекрытий навесов или верхних этажей. Ямки были перекрыты слоем пожара с обломками раздавленных плоскодонных пифосов местного и синопского производства.

Первоначальное назначение помещения 5 понять проблематично, так как после катастрофы 44/45 г. н.э. оно было перекопано и при сооружении подвала вычищено от продуктов горения. В то же время помещение 6 не расшищалось и не перестраивалось. Оно было заполнено слоем горения, преимущественно состоявшим из обгоревшего зерна, углей от коробов или корзин, перегоревших балок. В слое пожара помещения 6 выявлены раздавленные лепные сосуды: горшки, кружки и чаши разнообразных размеров и формы (см. Отчет ААЭ 2011 г., рис. 37, 8–29). Слой пожара полностью перекрывал пол помещения. В южной его части про-

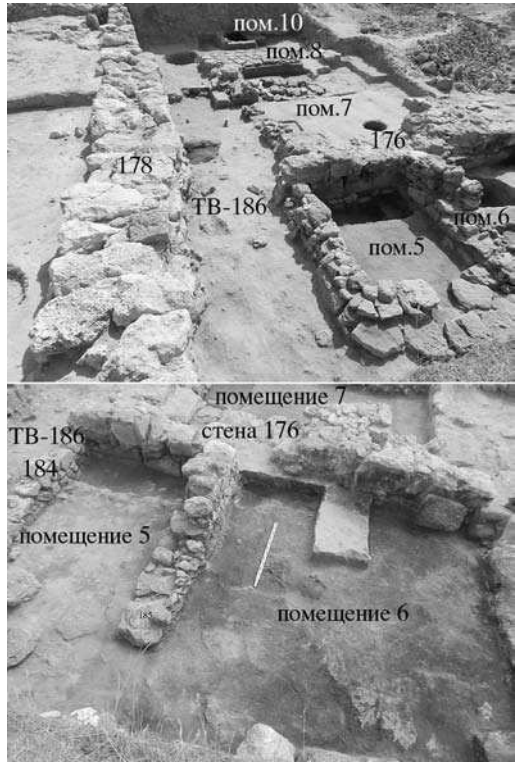

Рис. 1. Цитадель боспорского городища Артезиан

¹¹ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 93–146.

духты горения располагались на совершенно неутоптанном рыхлом грунте темно-коричневого цвета, в северной части они залежали поверх вымостки. В нижней части слоя расчищены обугленные балки деревянного помоста, занимавшего южную часть помещения. Среди углей помоста, на тонком слое сажи черного цвета, найдены железный серп, многочисленные предметы из цветных металлов и железа (см. Отчет ААЭ 2011 г., рис. 41, 19–21), включая расплав свинца весом 7 кг 415 г, – возможно, остатки одной или нескольких свинцовых гирь. В слое пожара внутри помещения 6 залегал однородный пласт прогоревших зерновок ячменя или пшеницы. Зерно хранилось на верхнем этаже и во время пожара единой массой рухнуло с большой высоты вниз, заполнив все пространство нижних помещений и попав даже во внутренние полости уже частично прогоревшей облицовки каменных стен и растрескавшегося под действием жара соединительного раствора. Все прогоревшие зерновки имели большие размеры и представляли собой запасы отборного элитного зерна (посевого фонда?). В горелом слое встречались перегоревшие кости животных, возможно, остатки кухонной разделки или заготовки копченого или вяленого мяса. В помещении 6 располагалась синхронная(?) яма, где хранилось зерно, которое совершенно истлело.

В 2011 г. впервые удалось выявить некоторый хронологический зазор между выборкой внешних стен ранней «цитадели» и строительством поздней «цитадели». Сразу после засыпки траншей выборок внешних стен ранней «цитадели» и частичной разборки внутренних стен были построены изолированные помещения 5 и 7, – скорее всего, полуподвалы, расположенные на локальных, расчищенных от следов пожара участках (рис. 1). После гибели крепости помещения 5–7 первого строительного периода были очищены от следов пожара и частично перестроены.

Перед строительством новой крепости все помещения ранней «цитадели», включая перестроенные, были засыпаны нивелировочным слоем с большим содержанием перегоревших щебня, бута, пачины, обломков керамики середины I в. н.э. В этом слое значительная часть находок относится к первой половине – середине I в. н.э. Среди них боспорские медные монеты Аспурга (н.о. 36/2012), Гепипирии и Митридата III (37–38 гг.), ассы Митридата III 39–45 гг. (н.о. 12, 18, 37/2012)¹², обломки пифосов, профильные фрагменты и стенки амфор различных типов, остатки простой гончарной посуды – кубков, кувшинов, мисок, тарелок и блюд. Фрагментов лепной и краснолаковой керамики заметно меньше. Ров старой «цитадели», как показывают находки керамики из его заполнения, оказался засыпанным не ранее I в. н.э. Заметного хронологического разрыва между заполнением рва и возведением новых оборонительных сооружений, очевидно, не было. Строители новой крепости не были обременены какими-либо обязательствами перед прежним ее населением. Они разорили некрополь, сбили надгробные памятники, поэтому некоторые надгробия в сильно поврежденном виде оказались на городище и на некрополе во вторичном использовании как строительный материал для стен и перекрытия гробниц.

За годы раскопок на городище Артезиан найдено большое количество граффити и дипинти – надписей на стенках пифосов, амфор, на фрагментах простой гончарной и краснолаковой посуды, пирамидальных глиняных грузилах, кружках из гончарных стенок, игральных и гадательных костях (астралагах). Это в основном надписи, нанесенные на керамику буквами греческого алфавита. Среди них преобладают сокращения греческих слов и личных имен, хозяйственные и бытовые

¹² Фролова 1997, т. I. Табл. XX, 2–18.

надписи¹³. Широкое использование греческого языка жителями городища Артезиан на протяжении всей его многовековой истории свидетельствует о культурной преемственности и определенном образовательном уровне детей и взрослых.

Обращает на себя внимание одна весьма примечательная находка. Внутри помещения 5 (на уровне останцев стен 184–185), в нижнем слое нивелировочного заполнения, среди обломков пифосов красной и коричневой глины, днища мортария, профильных частей и стенок амфор типа А1, С-Іб и других, обломков стенок и профильных частей простой гончарной, лепной керамики были обнаружены железный гвоздь и остракон с многострочным двусторонним граффито на стенке амфоры тонкой оранжевой глины с серо-бежевым ангобом (к.о. 69) (рис. 2–5). На внешней стороне остракона сохранилась надпись, нанесенная как бы по кругу, но в разной и в несколько строчек (рис. 2–3). На его внутренней стороне надпись начертана в две строки четкими и тонкими на обороте буквами (рис. 4–5). На внешней стороне остракона буквы начертаны более грубоватым шрифтом, но они хорошо прочерчены, хотя кое-где заметны отдельные исправления и затертости. Создается впечатление, что автор обеих надписей не обладал достаточной грамотностью, поэтому исправлял буквы в словах. К сожалению, внешняя поверхность остракона, там, где сохранились остатки последней строки, слегка испорчена свежим сколом, образовавшимся при извлечении черепка из земли.

Сохранившийся обломок амфоры шириной 8,2 см и длиной 11, 8 см представлял собой правую сторону остракона, на который был нанесен греческий текст. Левая сторона и низ его отбиты, тогда как правый край, слегка поврежденный, и частично верхняя линия скола являлись границами его эпиграфического поля. Если строго следовать расположению слов на внешней стороне черепка, то условно можно выделить шесть строчек текста. При этом для второй и шестой строчек места на черепке оказалось недостаточно, поэтому автору пришлось повернуть текст, загибая его вверх. Шрифт надписи позволяет отнести ее к I в. н.э., ближе к середине – второй половине этого столетия: в пользу такой даты говорят написание *альфы* как с прямой, так и слегка изогнутой поперечной гастой, широкая *эта* с поперечной гастой, упирающейся в вертикальные гасты, курсивная *омега*, лунарные *сигма* и *эпсилон*, *тета* с укороченной поперечной гастой в окружности, неровная форма *дельты* с выступающим чуть вверх кончиком правой гасты, широкая *лямбда* с немного выступающим вверх кончиком правой гасты и другие признаки¹⁴. Надписи на внешней стороне остракона выглядят следующим образом (рис. 2–3):

1. Σάλας
2. ΑΒΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ
3. [...Δόλ]ηι χαίρ<ε>iv
4. [...] χαίρ<ε>iv
5. [...Ἄπ]άτουρος
6. [...κα]λλός Δολής μοί

Стк. 1. Здесь полностью читается мужское личное имя Σάλας. Оно засвидетельствовано в посвятельной надписи Афродите Урании из Пантикапея, поставленной в 243 г. н.э. принкипсом Христионом, сыном Христиона, сына Салы (CIRB 35 = LGPN IV. 303). В танаисской надписи 228 г. н.э. встречается имя Μάης Σάλα,

¹³ Винокуров 2003, 151–192; Сапрыкин, Масленников 2007, 18–64.

¹⁴ Болтунова, Книпович 1962, 10.

Рис. 2. Остракон с многострочным граффито (внешняя сторона)

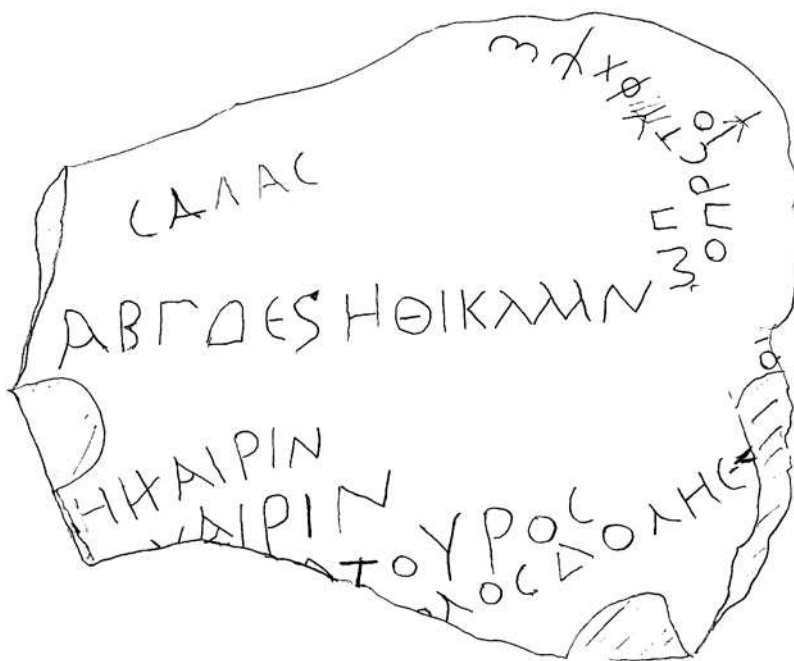

Рис. 3. Прорисовка текста граффито на внешней стороне остракона

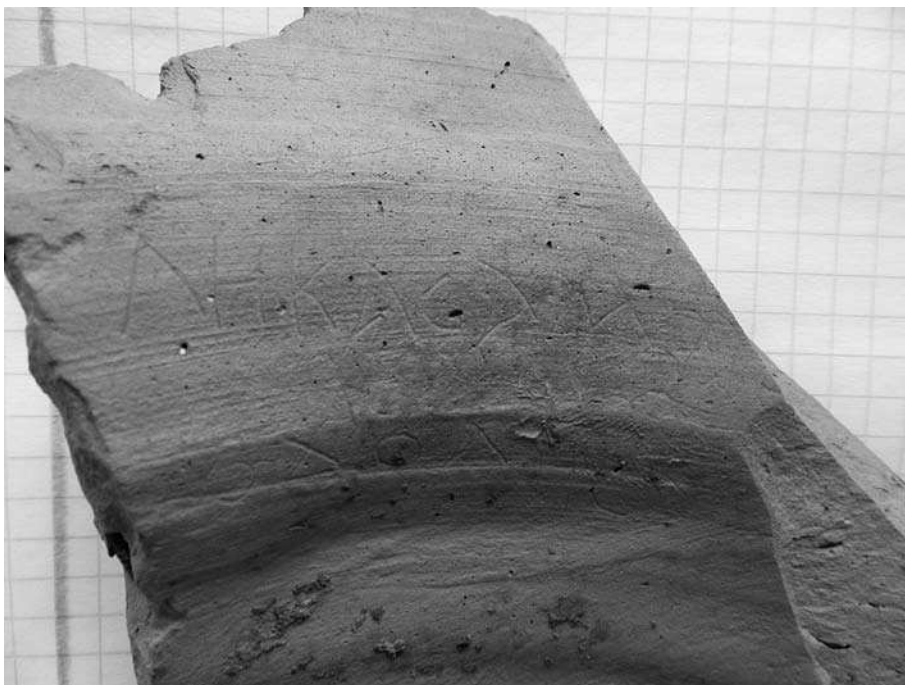

Рис. 4. Граффито на внутренней стороне остракона

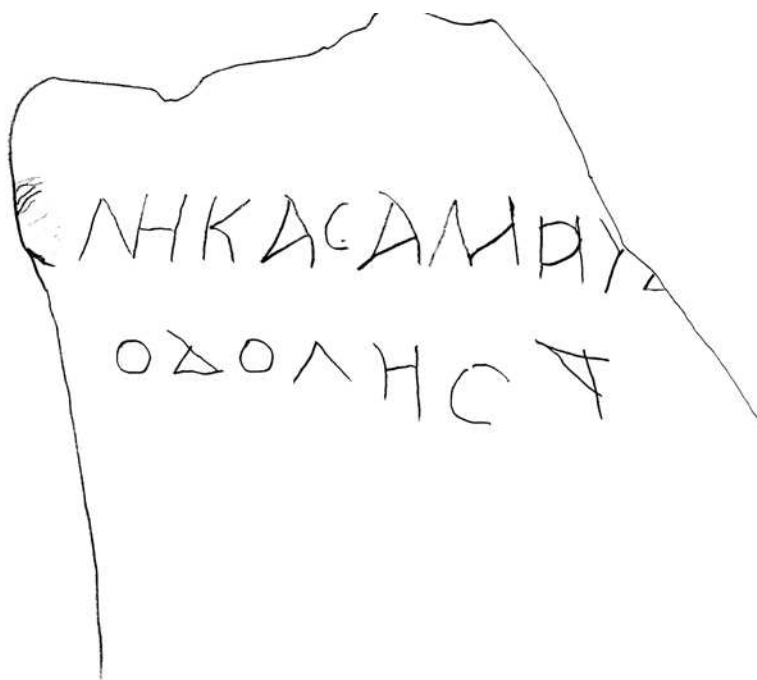

Рис. 5. Прорисовка граффито на внутренней стороне остракона

т.е. «Маей, сын Салы» (CIRB 1283 = LGPN IV. 303). Л. Згуста, ссылаясь на Фасмера, указывает, что оно идентифицируется как известное фракийское имя Σάλας, которое фиксируется во Фракии с различными отчествами, например, Σάλας Δοληου и Σάλας Κε[λ]ου и др.¹⁵ Оно встречается в Македонии, но чаще всего во Фракии, к югу от Гема, хотя носители его засвидетельствованы также в Малой Азии и даже в Египте (Σάλας, Σαλλας, Σαλλος). Родственное имя Σάλος отмечено в ономастике окрестностей фракийского прибрежного городка Анхиал (IGBulg P. 382) и в Пауталии (IGBulg IV. 2104, римское время). Обладателями таких имен являлись фракийцы либо выходцы из малоазийских областей с преобладанием фракийского населения¹⁶. В таком случае лица, которые были названы этим именем на Боспоре, в том числе и среди обитателей крепости Артезиан, могли быть фракийцами или представителями фракоязычного населения Малой Азии, которые к III в. н.э. уже стали натурализованными боспорцами.

Стк. 2 представляет собой полное написание древнегреческого алфавита, причем без каких-либо ошибок и пропусков. Во второй половине алфавитного ряда букв сверху и снизу автор граффито начертил Π, Ο и Ψ, очевидно, тренируясь в правильном их написании.

Такого рода надписи (так называемые *abecedaria*) нередки для Средиземноморья и античных государств Причерноморья. М. Лэнг публикует 11 таких алфавитных граффити с агоры Афин, отмечая, что в начале V в. до н.э. буквы алфавита выписывали, как правило, полностью, тогда как с IV в. до н.э. ограничивались исключительно начальными буквами греческого алфавита. Подобные памятники считаются образцами для распространения грамоты и правописания, ученическими упражнениями в школе, проверкой грамотности, справочниками для обозначения счета по алфавитной системе, а также надписями магического содержания¹⁷. В качестве цифрового ряда буквы греческого алфавита зафиксированы в Аттике на керамике VII в. до н.э. из Гиметта¹⁸, неполный греческий алфавит засвидетельствован также на бронзовом кратере третьей четверти VI в. до н.э. из Лаконии, на донце чернолакового светильника начала V в. до н.э. из Коринфа и в виде дипинти на чаше конца V в. до н.э. из Беотии¹⁹.

¹⁵ Zgusta 1955, 286, § 571; cf. Kalinka 1906, 34, I, 33; II, 49, 55, 59, 60; III, 18, 26, 47. Согласно LGPN IV. 303, данное имя встречается 1 раз в Македонии, на хоре Филипп и 18 раз в различных местах Фракии начиная с рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. Пик популярности этого имени приходится на II–III вв. н.э., при этом большинство носителей имени Σάλας, как и их отцы, являлись исключительно фракийцами. Данное имя в форме Σάλλας появляется во Фракии еще в IV в. до н.э. (LGPN IV. 303). Для нашего исследования важно отметить существование во Фракии сочетаний Σάλας и Δόλης как в виде личных имен, так и патронимиков (ср. IGBulg III. 1690d, l. 47 = LGPN IV. 109, 303).

¹⁶ Detschew 1957, 412, 413; ср. IGBulg III. 1441, 1516; IV. 1963, 2104 (Пауталия): Σαλης; 2348 (Никополь на Несте): Σαλης; V. 5305: м.б. женское имя Σαλις; мужское имя Σάλας = Ζzala считается ликийским, Σαλης – памфилийским, Σαλος – киликийским (Zgusta 1964, 451, § 1358, 1–3). Считать имя Σαλης египетским (Pape, Benseler 1870, 1331) неправомерно, поскольку женское имя Σαλη – типично фракийское. Личные имена с композитом -σαλ – часто встречаются в малоазийской ономастике, в основном во фракоговорящих регионах полуострова (Mihailov 1976, 69–70; Гиндин 1981, 63; Тохтасьев 1992, 190; Сапрыкин, Масленников 2007а, 52, 53). Индоарийское Sala – «склон горы», «гора», из чего можно было бы вывести, если следовать за Трубачевым, что имя «Салас» могло иносказательно обозначать жителя гор и предгорий, т.е. горца (Трубачев 1999, 267).

¹⁷ Lang 1976, 6, 7.

¹⁸ Blegen 1934, 10–28, № 10; Young 1940, 1–9, № 9.

¹⁹ Jeffery 1961. Pl. 10, 20; 39, 66; Boegehold 1992, 411. Pl. 88, 2.

Четыре буквы греческого алфавита [ΑΒ]ΓΔΕΖ начертаны на обломке доньшка чернолакового сосуда V в. до н.э., обнаруженного в Пантикапее, причем на внутренней стороне черепка прочитывается личное имя «Диомед». И.И. Толстой предполагал, что обе надписи связаны друг с другом, а алфавит начертан с магической целью, объектом которой был Диомед, чье имя фигурирует на обороте остракона²⁰. Среди пантикапейских граффити имеется фрагментарная надпись из четырех букв [...]Ζ Η Θ [...], которая определена как ученическое упражнение²¹. Из Ольвии происходит фрагмент подставки чернолакового килика второй половины VI в. до н.э. с несколькими буквами алфавита. И.И. Толстой считал это граффито магическим, хотя В.П. Яйленко убежден, что это ученическое упражнение²². Четыре начальных буквы алфавита засвидетельствованы в Ольвии еще на одном фрагменте чернолакового сосуда, которые были определены В.П. Яйленко как алфавитное упражнение (в стройном ряду букв ошибочно пропущена Δ)²³. Любопытный образец для запоминания начальных букв алфавита представляет граффито из Ольвии, начертанное на фрагменте донца сосуда. Оно воспроизводит название города Абдеры, в котором отражена относительная последовательность первых букв алфавита. При этом ученик, исправив *эпсилон* на *эту*, еще дважды нанес букву Η для должного запоминания правильной формы написания названия этого города²⁴. Граффито в виде ученического упражнения в написании алфавита найдено на Березани. На стенке сероглиняной чернолощенной миски V–IV вв. до н.э. сохранилось четыре буквы Α Γ Δ Ε, но в этом алфавитном порядке ошибочно пропущена *бета*²⁵. Из жилых кварталов Верхнего города Ольвии происходит граффито на донце чернолаковой чаши V в. до н.э. в виде букв алфавита ΑΒΓΔΘΙΚΗΖ (?) ΕΨΠΕ ΑΒΓ, далее опять Ψ, а на обороте донца ΑΘ, которое А.С. Русяева считает либо упражнением ученика, либо магическим набором букв для ритуальных действий в домашнем святилище²⁶.

Несколько алфавитных ученических упражнений – граффити происходят из Феодосии: алфавит от Α до Ν на донце сосуда; практически полный алфавитный перечень букв на внешней стороне донца небольшого сосуда, но с небольшими ошибками в виде неправильного написания букв и неверного расположения некоторых из них в алфавитном ряду; глиняный кубик I в. до н.э. с 20 буквами алфавита²⁷.

Таким образом, большинство надписей в виде буквенного ряда греческого алфавита из античных центров Северного Причерноморья трактуются как ученические упражнения при обучении грамоте и правильному греческому языку. Многие надписи подобного рода содержат огрехи и ошибки, поэтому вполне возможно, что это действительно свидетельства обучения учеников в школах или на дому. Хотя не исключен и их магический характер, поскольку алфавиты и их части связаны

²⁰ Толстой 1953, № 240. И.А. Емец (2005, 30) считает данную надпись ученической на основании того, что на черепке сохранилось имя писавшего. Нам представляется, что фрагментарность надписи оставляет возможность для того и другого предположения.

²¹ Яйленко 1988, № 20; против см. Емец 2005, 31.

²² Толстой 1953, № 59; Яйленко 1980, 95, № 105.

²³ Яйленко 1980, 94, № 102.

²⁴ Яйленко 1980, 94, 3 104.

²⁵ Яйленко 1982, 306, № 181. 74–6. Ср. еще одно березанское граффито V в. до н.э. с написанием одних согласных [...]ΠΚΣ (там же, 305, № 180, 75–1129).

²⁶ Русяева 2010, 128, 129, № 98.

²⁷ Штерн 1897, 185, № 63. Табл. II, 62; Яйленко 1988, № 8; Емец 2005, 30–32.

с религиозными представлениями и мистическими действиями²⁸. На этом основании можно предположить, что граффито из городища Артезиан также могло относиться к категории ученических надписей.

Стк. 3–4 воспроизводят формулу приветствия или обращения с использованием глагола χαίρω в инфинитиве: «такой-то такому-то привет! (или желает здравствовать!)». При этом в стк. 3 сохранилось окончание – ηι, принадлежавшее имени того, кому предназначалось приветствие. В таком случае это имя могло быть мужским, первого склонения, с окончанием на –ης, или женским, оканчивавшимся на –η. Инфинитив глагола поставлен в форме χαίρῃν, что, конечно, является нарушением норм орфографии. В боспорских надгробных надписях формула прощания по обыкновению писалась как χαίρειν (см. CIRB, index, p. 920), однако в ряде надписей I в. до н.э. и особенно II–III вв. н.э. имела место обусловленная развитием греческого вокализма передача дифтонга –ει буквой –ι (см. CIRB 722: χέριν = χαίρειν; 1088: χαίριν = χαίρειν, II–III вв. н.э.)²⁹. Учитывая тот факт, что на остраконе дважды упомянуто имя Δόλης (см. ниже), можно с большой долей уверенности восстановить это имя в формуле приветствия (за это как будто бы говорит небольшой остаток нижней части правой гасты лямбды или альфы перед Η). Возможно, это же имя фигурировало и во втором приветствии. Написание приветственной формулы дважды на одном остраконе свидетельствует о том, что ученик пытался запомнить или научиться писать ее правильно, поскольку подобное приветствие часто предвляло начало частных и прочих писем³⁰.

Стк. 5. В этой строке упоминается Апатур – общепоспорское святилище самого популярного среди боспорцев культа Афродиты Урании Апатуры, которое было расположено на азиатской стороне Керченского пролива, в окрестностях Фанагории и Гермонассы. Это первое свидетельство об Апатуре без намека на Афродиту в эпиграфических источниках, поскольку до этого Апатур фигурировал там исключительно как часть эпиклеса этой богини (CIRB 1234 – Богине [Афродите? Владычице] Апатура; 1045 – Афродите Апатуриаде; 31, 35, 971, 1111 – Богине Афродите Урании Владычице Апатура³¹). Страбон (XI. 2. 10) называет Апатур – святилище Афродиты за пределами Гермонассы и Фанагории, как и ее храм в Фанагории – Ἀπάτουρον. Апатур был известен еще Гекатею Милетскому (конец VI – начало V в. до н.э.), упоминающему κόλλων τὸν Ἀπάτουρον ἐν τῇ Ἀσίᾳ. Стефан Византийский, который сохранил это сообщение и повторил сведения Страбона, говорит, что название Ἀπάτουρον залив и святилище Афродиты в Фанагории получили от места, именовавшегося Ἀπάτουρος > Ἀπατούριος > Ἀπατουρίτης > Ἀπατουρεύς (Steph. Byz. s.v. Ἀπάτουρον: SC I. 254 = FrGrHist 1 F 211). Плиний Старший (VI. 18) передает греческую транслитерацию названия Апатура (Apaturus) и называет его «городом» (oppidum), который находится «почти в запустении». Птолемей (V. 8. 2) в описании местностей и городов Азиатской Сарматии приводит название

²⁸ Русяева 1987, 146; 2010, 129. По предположению Г.А. Цветаевой, граффито, обнаруженное в Горгиппии на стенке лепного сосуда, в котором читаются отдельные слоги ΑΧ (или ΧΑ) ΑΛ ΑΠ (или ΠΑ), может быть магическим или ученическим упражнением (Цветаева 1979, 12–14). На наш взгляд, граффито коммерческое и обозначает стоимость сосуда или его содержимого: ἄπ' Α χαλ[κοῦ], т.е. «(сосуд) за одну медную монету».

²⁹ Доватур 1965, 803, § 8, 1.

³⁰ Exler 1923, 70–73; Chan-Hie-Kim 1972, 21–31; White 1972, 42, 43; об употреблении этой формулы в эпистолярных памятниках Боспора см. Сапрыкин, Куликов 1999, 202–204; Сапрыкин, Федосеев 2008, 74–76.

³¹ Кузнецов 2006, 157.

Ἀπάτουρος, очевидно, имея в виду местность, где находился храм Афродиты Апатуры. Разночтение в названиях (Ἀπάτουρον–Ἀπάτουρος) дало возможность предположить, что античные писатели, называвшие Апатур как Ἀπάτουρον, имели в виду святилище (ἱερόν), а те из них, кто называл его Ἀπάτουρος, воспринимали его как местность или городок, возникший на месте пришедшего к концу эллинизма в упадок некогда цветущего святилища³². Реорганизация святилища, завершившаяся образованием на его месте или в непосредственной близости от него «городка», могла быть вызвана перераспределением земельного фонда в связи с укреплением царских земельных владений при Митридате Евпаторе и его преемниках. Поэтому античные источники, которые упоминают Апатур после I в. до н.э., предпочитают говорить о нем как о местности, но подразумевают под этим и святилище. Вероятно, Ἀπάτουρος этимологически восходит к названию этого известного святилища Афродиты. Если допустить, что это личное имя, которое соответствовало женскому Ἀπατόρη – Ἀπατούρη³³, то надо принять во внимание следующее: в такой огласовке данный антропоним не засвидетельствован – он известен лишь в форме Ἀπατούριος (LGPN II. 41; IV. 33). Это, впрочем, не устраняет предположения, что на черепке могло быть выписано личное имя Апатурия, может быть, с пропуском (или выпадением) *йоты*: [Ἀπ]ατούρ<ι>ος.

Стк. 6. Здесь приводится личное имя некоего Долеса, который охарактеризован как καλός, что означает «хороший», «прекрасный», «красивый», «прелестный», «благородный» и так далее в русле того же восторженного стиля. Этот эпитет коррелирует с упомянутым строчкой выше Апатуром – центром почитания богини любви и красоты Афродиты. В качестве аналогии можно привести граффити из категории так называемых «kalos-name inscriptions», многие из которых происходят из раскопок Афинской агоры. Они содержат личное имя и определение καλός. Л. Талкотт считает, что эти надписи предназначались для демонстрации прекрасных человеческих качеств того, кто пил из чаши с подобной надписью. Во время симпозиумов и пиров один из участников мог держать кубок вверх дном с написанным на нем именем заинтересовавшего его человека с соответствующей «прекрасной» характеристикой³⁴. М. Лэнг указывает, что применительно к этим надписям речь могла идти о гетеросексуальных и гомосексуальных парах, причем влюбленным был автор соответствующей надписи³⁵. В таком случае можно допу-

³² Розанова 1951, 210–213; Тохтасьев 1983, 111–117; 1986, 142; на Боспоре было несколько святилищ Афродиты Урании, как бы «дочерних» отделений центрального храма Афродиты Урании Владычицы Апатура на Азиатском Боспоре, существовавших, например, в Пантикапее, Кехах, Фанагории (Яйленко 1977, 220–222). Одним из таких святилищ был и так называемый Таманский толос, исследованный близ поселка «За Родину» на Тамани, который действительно пришел в запустение к концу II в. до н.э., когда на его месте возникла укрепленная резиденция наместника «острова» – одного из административно-территориальных округов Боспорского царства (Сокольский 1976, 55–89).

³³ См. LGPN IV. 33; IGDOP 75; Тохтасьев 2005, 139, № 264; 2010, 50–52.

³⁴ Talcott 1936, 352.

³⁵ Lang 1976, 11–15. Ср. Robinson, Fluck 1937, 15–30. Среди северочерноморских граффити следует упомянуть надпись из Тиры, по мнению В.П. Яйленко, – ученическое упражнение, «выполнив которое, он (ученик) похвалил себя словом καλός – молодец!» (Яйленко 1982, 305). К сожалению, автор не приводит текста надписи, ограничившись лишь общим выводом. Поэтому не исключено, что граффито относится к категории любовных надписей. Любовное прилагательное καλός может относиться не только к любвеобильным персонам. На чернолаковом сосуде второй четверти V в. до н.э. из Афин изображена сценка совокупления человека и собаки, которую сопровождает надпись

стить, что воздыхателем по Долесу был автор публикуемого граффито и не исключено, что им являлся Салас, имя которого начертано отдельно от всего остального текста, в самом верху остракона. Очень вероятно, что надпись является типичным примером школьного юмора гомосексуального характера, а не свидетельством настоящей любви.

После имени Долеса (конечная *сигма* лунарная) следует конструкция:[...κα]λὸς Δόλης μοί, т.е. «красивый Долес для меня (*или* – по моему мнению)». Это подтверждает любовно-сексуальный характер данной фразы надписи. Для ровного расположения букв этого словосочетания места на остраконе не хватило, поэтому автор, как и в случае с алфавитом, повернул окончание фразы вверх.

Интерес вызывает имя Долес. В качестве корневого композита оно входит в двусоставное фракийское имя Δολήζεμις (SEG XL. 1169). Среди боспорцев носителей имени Δόλης до недавнего времени известно не было. В 2013 г. А.П. Бехтер опубликовала ряд надписей, прежде изданных в КБН, и убедительно доказала, что в первой строке надписи CIRB 450 следует принимать следующий текст: Δολής ὁ [Ἦ]γουμενός³⁶. В Македонии и во Фракии, согласно LGPN IV. 109, имя Δόλης засвидетельствовано 46 раз. Это говорит в пользу того, что данное имя принадлежало фракийцу, либо боспорцу, предки которого являлись выходцами из Фракии. Любопытно, что во фракийском местечке Базопара (Фракия, эмпорий Пизос) около 202 г. н.э. проживал некий Σάλας Δοληου, а в списке жителей, отраженном в посвящении императору Септимию Северу, фигурируют девять лиц по имени Долес и девять лиц по имени Салас. Это личные имена с патронимиками типично фракийского облика (IGBulg III. 1690, l. 47 ff.). Совпадение имен на черепке из боспорского укрепления Артезиан с отдельными именами в списке адорантов римского императора из местечка Пизос во Фракии позволяет высказать предположение, что если не сами Салас и Долес, то их предки могли прибыть на Боспор именно из внутренних регионов Фракии.

Надпись на внутренней стороне черепка выглядит следующим образом (рис. 4–5):

ΑΗΚΑΣΑΜΟΥΔ ληκάσα<ς> μοῦ Δ
ΟΔΟΛΗΣ ὁ{δο}λης

ληκάσα<ς> μοῦ Δό{δο}λης – *Tokhtas'ev*;
ληκάσα<ς> μοῦ δ' / ὁ Δόλης – *Belousov*

Перевод: «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!».

Вероятно, Долес, упомянутый в этой надписи, – тот же самый человек, который дважды назван в граффито на внешней стороне остракона. В этой фразе обращает на себя внимание *part. aor. act.* от глагола ληκάω. Этот глагол вообще имеет значение такое же, как латинский *fellāre*, он также синонимичен глаголам λαικάζω и λείχω³⁷. Этимология глагола ληκάω³⁸ до сих пор неясна, но несомненно, то, что эта

[κυν]ὸς Νικ[ο....] / καλὸ[ς...]. А. Икономидес справедливо связывает καλὸ[ς...] с изображенной на сосуде сценой и считает, что прилагательное характеризует акт совокупления или пенис собаки (с точки зрения человека) (Oikonomides 1988, 52, № 35).

³⁶ Бехтер 2013, 9–14.

³⁷ Об этих глаголах см. главным образом: Bain 1999 (с библиографией). Там же см. о том, что глагол βινέω не является синонимом глаголов ληκάω, λαικάζω и λείχω (с. 71).

³⁸ DELG, s.v.

лексема, как и родственные ей, принадлежат сфере грубой обсценной лексики (ср. образованное от этого глагола или, наоборот, давшее этот глагол существительное $\lambda\eta\kappa\acute{\omega}$, -ους– *membrum virile* (Hesych. III. 34; Phot. II. Naber: τὸ μόριον λέγουσι τὸ ἀνδρείον). Эти глаголы чаще всего встречаются в комическом языке Аристофана (см. Aristoph. Equ. 167; Thesm. 57; 493; Acharn. 79: $\lambda\alpha\iota\kappa\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ – *fellator*), в основном применительно к женщинам – распутницам и проституткам ($\lambda\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\iota\alpha$ – *fellatrix*: Aristoph. Acharn. 529; 537), и Менандра (Men. Pk. 235–240)³⁹. Слова, связанные с подобного рода женским распутством, засвидетельствованы и в граффити с агоры Афин, например, $\Theta\epsilon\iota\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\alpha \lambda\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\delta\epsilon[\iota] \epsilon\acute{\upsilon} \lambda(\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\iota\alpha)$ и $\kappa\alpha\iota \lambda\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\iota\alpha$ ⁴⁰. Наиболее заметным примером с территории Северного Причерноморья следует признать граффито с хоры Херсонеса № 737: $\text{Εὐμη}[\lambda\omicron\varsigma \text{vel } \text{Εὐμελίς}] / \tau\acute{\alpha}\nu \psi[\omega\lambda\acute{\alpha}\nu] / \lambda\epsilon\iota\chi[\epsilon\iota]$ ⁴¹.

Судя по форме причастия – $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha\langle\varsigma\rangle$, – можно предположить, что юный автор надписи либо не умел правильно образовывать морфологические формы (что вряд ли будет верно), либо, и это гораздо более вероятно, пытался подражать возвышенному слогу поэзии: он употребляет форму $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma$ с дорийской $\bar{\alpha}$ в основе аориста вместо стандартной и закономерно ожидаемой здесь $-\eta$ ($\lambda\eta\kappa\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$). Он также использует необычный порядок слов с подлежащим в конце предложения – все стоящие перед подлежащим слова превращаются в торжественный поэтический эпитет. Наконец, само метрическое строение надписи – $---|-\cup-$ может свидетельствовать в пользу нашего предположения о том, что вся эта надпись – упражнение ученика грамматической школы, который пытается применить свою школьную ученость в обсценном издевательствах над своим товарищем Долесом, также упоминающимся на другой стороне остракона.

Тем не менее наиболее реалистичским представляется предложение С.Р. Тохтасьева при обсуждении данной статьи видеть в тексте надписи ошибочное вследствие гаплографии, возникшей из-за переноса слова $\Delta\acute{\omicron}\lambda\eta\varsigma$ на следующую строку, написание: $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha\langle\varsigma\rangle \mu\omicron\upsilon \Delta\acute{\omicron}\{\delta\omicron\}\lambda\eta\varsigma$. Поэтому именно это чтение мы оставляем в основном тексте.

Вероятно, надписи на обороте связаны друг с другом логически и по форме. Обращает на себя внимание, что второе граффито начертано другой рукой, нежели надпись на внешней поверхности остракона. Различие проявляется в написании *альфы*, в стройности и уверенности подчерка, формах других букв. Возможно, ученик, по-видимому Салас, написал алфавит и добавил еще ряд словосочетаний, включая те, где упоминается имя Долес, причем в весьма лестных и соблазнительных выражениях. Автор же второго граффито, очевидно, прочитав начертанное Саласом, написал свою поэтическую тираду в отношении Долеса, но допустил при этом ошибку, пропустив сигму в слове $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha\langle\varsigma\rangle$. Все это заставляет предположить, что обе надписи, скорее всего, принадлежат ученикам, обучавшимся греческому языку.

Рассмотренные граффити имеют большое значение не только для характеристики нравов и образа жизни на поселении Артезиан, они не менее интересны с точки зрения определения этнического состава его обитателей. Другим важным

³⁹ Слово $\lambda\alpha\iota\kappa\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ и его женский вариант $\lambda\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\iota\alpha$ нынешние англоязычные филологи сейчас переводят, используя английское выражение *cock-sucker*. См. Olson 2002, 96 (с литературой).

⁴⁰ Lang 1976, С 33–34.

⁴¹ Восстановление С.Р. Тохтасьевым (1988, 177, 178) надписи Соломоник 1984, № 737.

источником по этому вопросу является обнаруженная в ходе раскопок надгробная известняковая стела с именами умерших жителей поселения, найденная при исследовании гробницы 21/2000 (рис. 6). Ее перекрытие, пробитое грабительским лазом, находилось южнее погребений 24 и 26, на глубине 1,65 м от современной поверхности. Оно состояло из трех фрагментированных надгробных памятников вторичного использования, снятых с более ранних погребений. Могильная яма, в плане имевшая подпрямоугольную форму, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. Ее размеры: длина – 2,36 м, ширина – 0,68/0,96 м, глубина – 0,94/1,10 м. Заплечики широкие – 0,18–0,23 м (северный борт), 0,49–0,55 м (южный борт). Дно находилось на глубине 2,80 м от поверхности, на нем имелись выемки (глубиной 0,12–0,14 м) под ножки саркофага или погребального ложа. Его длина была не менее 2,10 м, ширина – 0,90 м.

В рыхлом глинистом заполнении могилы желто-коричневого цвета с прослойками гумуса найдены обломки керамики первых веков нашей эры – стенки сосудов, несколько ручек амфор и простой гончарной посуды, часть дна кувшина коричневой глины, венчики лепных горшков серой глины, стенки и края красно- и коричневолаковых открытых сосудов I–II вв. н.э. От самого захоронения ничего не осталось, за исключением разрозненных и фрагментированных костей двух взрослых людей (мужчины и женщины), находившихся в толще могильного заполнения.

Особый интерес вызывает перекрытие могилы. Восточная и центральная плиты перекрытия (1,02 x 0,71 x 0,26 м; 1,05 x 0,84 x 0,46 м) представляли собой распиленные основания стел без рельефов и надписей. Они изготовлены из массивных плит плотного серого известняка, поверхность которых обработана довольно небрежно (особенно в нижней части плит, вероятно, заглубленных в грунт), причем на них остались следы инструментов в виде узких длинных полос шириной 2–3 см. На средней плите по центру имелась выбоина (0,61 x 0,35 м, глубиной 0,15 м).

Западная плита (длиной 1,14/1,365 м, шириной внизу – 0,624 м, сверху – 0,6003 м, толщиной 0,176 м) была оббитой с торцов надгробной стелой с надломанным верхом (к.о. 88). В изломе четко просматривалась палеонтологическая окаменелость – часть скелета какого-то небольшого доисторического животного – лопатка, ребра, позвоночник. На лицевой тщательно обработанной стороне стелы высечен двухъярусный рельеф, а под ним четырехстрочная надпись на греческом языке (рис. 6):

ΣΩΣΤΙΒΙΔΙΩΝΥΣΙΟΥ
ΚΑΙΥΟΙΔΙΣΑΚΟΣ
ΚΑΙΠΑΔΑΦΟΥ
ΧΑΙΡΕΤΕ

Σωσ{τ}ιβί(ος) Διονυσίου
καὶ υ<i>οἰ Δισακός
καὶ Παδαφου
χαίρετε

Перевод: «Сос(т)ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте!».

Шрифт надписи довольно четкий, высота букв – 3–4 см. Три верхних строчки выдержаны по линейке (хорошо заметны очерченные тонким резцом линии – границы полос), буквы нижней, четвертой строки немного уходят вверх. На концах некоторых букв заметно апицирование. Палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н.э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга. Характерными признаками такой датировки являются курсивная форма *омега*, лунарные *эпсилон* и *сигма* (последняя в ряде случаев выписана с удлиненным верхним окончанием), *дельта* с непропорциональными боковыми

Рис. 6. Надгробная стела Сос(т)ибия и его сыновей

гастами по причине небольшой скошенности вверх нижней соединительной гасты, ломаная поперечная гаста *альфы*, *каппа* с укороченными, соединяющимися и слегка искривленными гастами⁴². Резчик надписи был не очень квалифицированным и не в полной мере владел греческим языком: имя Сосибий написал с ошибкой – после второй Σ по недоразумению вписал букву Γ (очевидно потому, что она по алфавиту следует за Σ). В то же время в этой надгробной надписи имеются лингвистические особенности, характерные для эпитафических памятников первой половины – середины I в. н.э. Это написание имени Дионисий с *омегой* вместо *микрон*, упрощение дифтонга $υι > υ$ перед гласным в слове $\nu\iota\omicron\tau$ ⁴³.

⁴² Болтунова, Книпович 1962, 10.

⁴³ Примеры см. Доватур 1965, 801, § 4.7–8; 805, § 12. Надпись была предварительно издана автором раскопок Н.И. Винокуровым (2001, 18–22. Рис. 2; 2002, 77. Прим. 1. Рис. 7), а позже С.Р. Тохтасьевым (Матковская, Тохтасьев 2006, 188–192).

Стела стояла на могиле некоего $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota(\omicron\varsigma)$, сына Дионисия, и двух его сыновей. Мужское личное имя $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota(\omicron\varsigma) = \Sigma\omicron\sigma\iota\beta\iota\omicron\varsigma$ известно на Боспоре: оно засвидетельствовано в качестве патронимика в списке имен из Нимфея III в. до н.э. (CIRB 912 = LGPN IV. 323. 2), на надгробном рельефе из Нимфея I в. н.э. как имя супруга некоей Масты (LGPN IV. 323. 3)⁴⁴, в надписи из Мирмекия IV в. до н.э. (SEG 48. 1005), в граффито на вазе V–IV вв. до н.э. из Феодосии (LGPN IV. 323. 4) и, возможно, в списке фиасотов первой половины II в. н.э. из Танаиса (CIRB 1263: [... $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota\omicron\upsilon$]). Данное имя трижды засвидетельствовано в Ольвии, единожды в Каллатисе, множество раз в Македонии и Фракии (LGPN IV. 323. 6–18), а в Малой Азии встречается повсеместно с IV в. до н.э. (LGPN V.A. 418, 419. 1–31: Эолида, Вифиния, Иония, Лидия, Мисия, Понт, Троада). Имя греческое, о чем свидетельствуют очень частое его упоминание в ономастиконе Аттики (LGPN II. 415. 1–74), а также типично греческое имя отца Сосибия – Дионисий – на надгробии из Артезиана (о популярности этого имени только на Боспоре см. CIRB, index, p. 863, 864 = LGPN IV. 101, 102. 1–53).

С.Р. Тохтасьев читает $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota$ как вокатив на -ι, приводя ряд аналогий из боспорских надгробных надписей, в которых имена оканчиваются на -ιους. Он указывает, что это «синкопа», когда вокатив образуется от формы на -ις. Такой подход вполне возможен, однако при этом следует обратить внимание на соединительный союз καί, посредством которого соединяются равносильные предложения и его члены, требующие сочетания в одном падеже. В разбираемой надписи предполагаемый вокатив в имени отца соединяется с именами сыновей, одно из которых, ближайшее к имени отца, стоит в именительном падеже (впрочем, υ(ι)οί может быть как номинативом, так и вокативом множ. числа), а другое в вокативе. В боспорских надгробных надписях союз καί соединяет либо вокативы, либо номинативы имен усопших, но исключительно в одном падеже. А.И. Доватур в этой связи отмечает, что в них только «существительные πατήρ, μήτηρ, θυγάτηρ утратили особую форму звательного падежа. Там, где по контексту требуется звательный падеж (другие слова поставлены в звательном падеже), находим именительный падеж (за одним исключением – θυγάτερ (CIRB 690, II в. н.э.))»⁴⁵. К тому же в боспорской надгробной лексике засвидетельствовано только три-четыре случая передачи звательного падежа имен на -ιους через -ι (CIRB 383, 496, 616, может быть, 339, при этом в двух случаях имя Деметрий передано и как Δημήτρι и как Δημήτριε – 442), тогда как в огромной массе надгробных надписей имена на -ιους в вокативе имеют «правильное» окончание -ιε. Это, кстати, может подразумевать простое выпадение *эпсилона* в имени Деметрия. Поэтому имя $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota$ могло стоять как в звательном падеже, так и быть формой от $\Sigma\omicron\sigma\langle\tau\rangle\iota\beta\iota(\omicron\varsigma)$ по причине написания с усеченным окончанием, что встречается в боспорской лексике римского времени⁴⁶. В таком случае имя второго сына в вокативе – ошибка резчика или нехарактерное отступление от общего правила составления подобных надписей.

Личное имя Δισακος на Боспоре и в других городах античного Причерноморья не встречалось. В Гераклее Понтийской и Синопе известно близкое имя Δίσκος (LGPN V.A. 145), а в Амастрии Δισούκων – греческий вариант фракийского по

⁴⁴ Давыдова 1990, 43, № 31; Тохтасьев 2000, 141.

⁴⁵ К этому следует добавить, что и существительное γυνή утратило эту форму, все же остальные слова ее сохраняли (Доватур 1965, 812, 813, II. А. § 4, 5.2).

⁴⁶ Ср. θυγάτηρ = θυγάτρι > θυγάτρι(ον) – CIRB 369, I в. н.э.; Ἰούλ(ιους) – 955; Διον<ι>ύς(ιε) – 964; Εὐτυχεῖδ(η) – 783 (все – II в. н.э.).

характеру имени Δεζούκων (LGPN V.A. 145)⁴⁷. С.Р. Тохтасьев считает имя иранским (сарматским). Не находя в сарматской ономастике прямых параллелей, он прибегает к этимологии из праиран. *daiś-, diś- и приводит др.-иранские имена *Daisaka-, *Daiθaka- (и вед. diś-) ⁴⁸. Во фракийской ономастике встречаются имена с корнем Δισ- (=Δεζ-): Δισάτραλις, Δισούτης, Δισκοῦς, Δίσυρος (греческим соответствием фракийских основ Disa, Δεσα-, Διζα-, -δαισης является θεός / Θεω-) (LGPN IV. 109)⁴⁹. Второй композит – σακος, очевидно, иранское sak(a), zak(es), saci – «сила, мощь, помощь» – также представлен во фракийской антропонимике⁵⁰, поэтому мы не исключаем как сарматское, так и фрако-сарматское происхождение носителя этого имени.

Имя второго сына – Παδαφους – также сарматское, близкое иранским именам Πάδαγος и Πάδακος, засвидетельствованным в Ольвии в первых веках нашей эры (LGPN IV. 267)⁵¹. Таким образом, если первый сын Сосибия носил фрако-иранское или, скорее, фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной – глава семьи, отец Сосибия, был, вероятно, эллином или эллинизированным боспорцем с фракийскими корнями, а его сыновья происходили от брака с женщиной, в жилах которой текла фракийская и сарматская кровь (или сыновья были рождены от браков с двумя разными женщинами – фракиянкой и сарматкой).

Рельеф стелы довольно глубокий – до 40 мм. Размеры рамки нижней сцены изображения – 380 x 520 мм. От верхней сцены рельефа его отделял бортик шириной 35 мм. Верхнее изображение сбито, поэтому известна только ширина его рамки – 370–380 мм. Рельеф поврежден, отдельные детали изображений не сохранились, так как стела носила следы намеренных или случайных повреждений. На верхнем ярусе частично сбиты фигурки всадников, на нижнем – голова богини, голова и лицо всадника. Несмотря на это изображение достаточно выразительно, хотя и выполнено с некоторым схематизмом, типичным для надгробий первых веков нашей эры. Всадники показаны в $\frac{3}{4}$ разворота на спокойно стоящих, взнузданных лошадях. Хорошо видны элементы узды, складки одеяния, оружие (колчаны, луки, мечи, пика)⁵².

⁴⁷ Оба имени принадлежат одному человеку, сыну Гая, так как фигурируют в двух одинаковых посвящениях Зевсу Кородидзосу из Карли (Marek 1993, 180, 181, № 96).

⁴⁸ Матковская, Тохтасьев 2006, 191.

⁴⁹ Ср. фрако-гетское имя Dizo > Diso > Dizzo, которое часто встречается в качестве *nomens* и *cognomens* в различных римских надписях (IDR III. 12 – Дакия: Dizo; CIL III. 870 – Напока-Клуж; III. 7456 – Мезия: Aur(elius) Dizo; 14507 b 11: T. Ael(ius) Dizo; V. 893 – Аквилея: Aur(elius) Dizo; 1646; VI 225 c 22; 32937– Рим; X. 4874– Венафрум: Valerius Dizo; подробно см. Detschew 1957, 135. Фракийские имена с таким корнем восходят к индо-европейской *u*-основе *d(ē)ieu-*: *dieu*, *diu* (ср. лат. *deus* > *deivós*; греч. Δίον, δῖος, Δῖοι > Δι > Διος < ΔιFος, Δεισoras = Δισoras, Δισοροι < ΔιForas) с выпадением *u* после *i* перед согласными, ср. Δι-βειωος, Δι-сoras (Гиндин 1981, 42, 47; см. Георгиев 1977, 74–76: сокращенные имена – гипокористики Diszas, Διζας, Disza, Diza, Διζα, Dizza, Δειζης > Διζης, греческим соответствием которых будет Θεω-).

⁵⁰ Георгиев 1977, 101; Дечев 1952, 29, 89: Δαλό-σακος, Δαλό-σηκος.

⁵¹ Родственные иранские имена – Βαδαγος, Βαδακης, Δαδαγος; в Ольвии известен некий Дадаг, сын Падага (SEG III. 583, 4 = NO 42, конец I – начало II в. н.э.); см. Zgusta 1955, 81, § 77.

⁵² Попытка передать изображение в $\frac{3}{4}$ посредством искажения пропорций действующих лиц не очень удалась. Это касается прежде всего правой ноги всадников, выступающей из-за груди лошади.

На верхнем ярусе стелы изображены два всадника, обращенные лицами друг к другу. Они вооружены и одеты «по-боспорски», сидят на лошадях с прямым корпусом. Их доспехи плохо различимы, однако четко обозначены короткие плащи(?), переброшенные через правое плечо, ноги согнуты в коленях и плотно охватывают круп лошади.левой рукой на холке лошадей всадники удерживают поводья. Их правые руки согнуты в локте, очевидно, они подняты вверх. Возможно, всадники держали пики. Седла, если они были, скрыты под складками одежды. С левой стороны у всадников к седлу(?) привешены колчаны, в которых находились луки. Под ними заметны ножны прямых мечей средней длины. Кони под всадниками стоят в спокойных позах, поводья немного ослаблены, поэтому головы лошадей слегка опущены. Кони стройные, высокие, с небольшими головами, их гривы короткие, хвосты, напротив, очень длинные. Судя по всему, это так называемые элитные высокорослые лошади, напоминающие породу современных ахалтекинцев и выведенных от них английских и арабских скакунов⁵³. Такие кони отличались выносливостью, крупным ростом, быстротой и использовались прежде всего катафрактариями⁵⁴. Лошади аналогичной породы изображены на известной стеле Стратоника из Керчи⁵⁵. Правда, на нашей стеле фигурки животных изваяны с большим умением и меньшим схематизмом.

В нижней части стелы изображен всадник, фигура которого во многом аналогична фигурам всадников на верхнем ярусе рельефа. В правой руке он держит длинную пикку с массивным треугольным наконечником, которая под углом упирается в землю. Слева от всадника, прямо напротив него, высечена женская фигура – «богиня», одетая в богатое одеяние, красивыми складками ниспадающими вдоль ее фигуры. Она восседает в парадном кресле или на троне с высокой прямой профилированной спинкой и резными ножками. Ноги «богини», по-видимому, покоились на небольшой скамеечке, ее левая рука поднята к подбородку, а в правой руке, согнутой в локте и частично скрытой под переброшенный через руку гиматий, она держит большой округлый предмет, очевидно, плод граната, который положен на чашу.

Боковые стороны кресла или трона оформлены как прямые поручни, которые поддерживают две стойки. Они имеют завершения в виде каких-то изображений, очевидно, голов животных (может быть, львов?). В кресле была мягкая подушка, без прогибов, выровненное положение которой показывает, что кресло жесткое, так как его сидение было изготовлено из досок или представляло собой сплошную сетку или решетку. Изображения таких кресел встречаются на боспорских надгробиях с середины I до начала II в. н.э.⁵⁶ Немного впереди сидящей богини, чуть закрывая заднюю ножку кресла, стоит непропорционально маленькая фигурка служанки, одетая в длинное одеяние и держащая перед собой шкатулку с дарами(?). Изображение всадника и тем более служанки заметно меньше, чем фигура «богини». Таким иконографическим приемом мастер подчеркнул доминирующее значение «богини» над фигурами всадника и служанки. Это должно было внушить

⁵³ Кузьмина 1976, 1–72; 1977, 96–119.

⁵⁴ Ср.: Ростовцев 1913/1914. Табл. LXIV, LXXVIII, LXXIX, LXXXIV, LXXXVIII; Дашевская 1962. Рис. 7,7; 11, 12, 14; Пугаченкова 1966. Рис. 3,1, б, 4–7, 12; Десятчиков 1972, 73–77; Шургая 1983, 98–99. Рис. 4; Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. Рис. 5; Горнчаровский 1993, 79.

⁵⁵ Максимова, Наливкина 1955, 312. Рис. 23.

⁵⁶ Сокольский 1971, 104. Табл. VII, 2–3; тип 3.1. Кресла на Боспоре изображались на надгробиях в I в. до н.э. – II в. н.э. Они отличались друг от друга формой, размером, техникой изготовления (Сокольский 1971, 104. Табл. VI–VII).

зрительно, что ее функции как богини подземного мира и покровительницы душ умерших являются главными во всем сюжете рельефа.

Представленные на рельефе сцены стоящего конного воина перед богиней и двух всадников – не редкость в боспорских надгробных стелах. В качестве близкой аналогии для сцены всадника и богини можно назвать стелу Феагена, сына Гермогена, обнаруженную в районе косы Чушка на азиатской стороне Боспора. На ней изображен всадник на коне влево в кафтане, штанах, мягких сапожках и коротком плаще с горитом на боку, который стоит перед сидящей в резном кресле богиней, облаченной в хитон и плащ-гиматий; обе фигуры показаны в окружении слуг и служанок с дарами⁵⁷. Не менее близко нашей стеле двухъярусное надгробие из Керчи, в верхней части которого сохранились фигуры сидящей в кресле богини в плаще и хитоне, держащей в руке чашу с напитком бессмертия – хаомой, и стоящего перед ней всадника в кафтане и с горитом на левом боку на спокойно стоящем коне⁵⁸. Из Горгиппии происходит мраморное надгробие Фаллона, сына Пофа, первой половины I в. н.э. На его верхнем рельефе всадник на спокойно стоящем коне, – очевидно, умерший Фаллон в кольчуге и с горитом на левом боку стоит перед сидящей в кресле женщиной, вероятно, богиней в хитоне и гиматии с чашей в руке⁵⁹. Обращает на себя внимание надгробие I в. н.э. Никифора, сына Сабада, из Тиритаки с рельефом, на котором представлен всадник перед женщиной-богиней в кресле с точеными ножками – он изображен на спокойно стоящем коне вправо, с горитом на правом боку, в сопровождении слуги-оруженосца; между ног коня – собака⁶⁰. Близкий сюжет запечатлен на стеле I в. н.э. Птолемаис, дочери Гераклида, из Керчи: всадник на постаменте на взнузданной оседланной лошади, под которой изображена собака, стоит перед женщиной-богиней в хитоне, накинутом на голову. Она сидит в кресле с подлокотниками в виде сфинксов и высокой спинкой, а рядом с ней служанка (CIRB 502)⁶¹. На керченской стеле I в. н.э. Каллистратии, жены Папа, изображены всадник влево в плотно облегающих штанах, куртке, плаще и с горитом на левом боку, который стоит перед сидящей в кресле женщиной в хитоне и плаще в сопровождении оруженосца-всадника, а также и служанка с сосудом в руке (CIRB 438)⁶². Подобные сцены встречаются на надгробиях повсеместно, причем сидящая женщина изображена на них в три четверти оборота либо в профиль⁶³.

Сцена со всадником, стоящим перед сидящей в кресле женщиной, запечатлена на росписях погребальных склепов Боспора. На росписи склепа Анфестерия перед женщиной в фас можно видеть всадника в штанах, сапожках и кольчуге с мечом у левого бедра, очевидно, самого Анфестерия, как бы подъезжающим к сидящей в кресле и закутанной в гиматий женщине, возле которой стоят служанка с дарами и слуга, протягивающий всаднику сосуд со священным напитком бессмертия⁶⁴.

⁵⁷ Kieseritzky, Watzinger 1909, 120, № 669; Иванова 1951, 30, 31. Прим. 10; Давыдова 1990, 62, 63, № 53; Горончаровский 2003, 59. Рис. 16.

⁵⁸ Иванова 1951, 28. Рис. 9;

⁵⁹ Горончаровский 2003, 94. Рис. 33.

⁶⁰ Марти 1950, 69, 70. Рис. 1.

⁶¹ Kieseritzky, Watzinger 1909, № 661; Иванова 1951, 30.

⁶² Kieseritzky, Watzinger 1909, № 671; Иванова 1951, 30.

⁶³ Ср. надгробную стелу Тимоклы, жены Тимофея, с Тамани, на которой всадник вправо стоит перед женщиной, сидящей в полуоборот в резном кресле (Шкорпил 1911, 111, № 26). См. также Kieseritzky, Watzinger 1909, № 655, 657, 664, 669, 670.

⁶⁴ Ростовцев 1913/1914. Табл. LI, б. Ср. Иванова 1951, 31.

А.П. Иванова совершенно справедливо отмечала, что в тех случаях, когда на рельефе изображена сцена со всадником, стоящим перед сидящей женщиной, и сохранилось только женское имя, то мы вправе считать эту женщину обожествленной умершей или умершей в образе бессмертной богини. Тогда всадника следует воспринимать как ранее умершего родственника этой женщины, а всю сцену – как отношение живого к героизированному умершему. Через приобщение женщины к героизированному или обожествленному всаднику она сама становится как бы обожествленной и соответственно бессмертной, так как всадник – ее героизированный родственник – уже ранее стал бессмертным. А в тех случаях, когда на рельефе вырезано только мужское имя, то в изображении всадника надо усматривать изображение героизированного умершего, который приобщается к бессмертию богиней посредством вкушения напитка бессмертия, который она дает ему сама (если держит гранат или чашу в руке) или который ему протягивают ее слуги. Не исключено, что в этом случае в сцене со всадником, стоящим перед женщиной, фигурирует ранее почившая жена героизированного умершего в образе бессмертной богини⁶⁵.

Это вывод подтверждается на основании других памятников. Наиболее показательной является сцена на серебряном ритоне из Мерджан. На нем представлен бородатый всадник с ритонем, который подъезжает к богине, сидящей на троне с высокой спинкой с погребальным сосудом в правой руке. Похожее изображение можно увидеть на войлочном ковре из Пазырыкского кургана, на котором сидящая богиня держит растение с листьями и бутонем, а перед ней воин с усами на коне и в коротком плаще⁶⁶. В этих сценах сидящая женщина – богиня всего сущего и производительных сил природы с хтоническими чертами, дарующая бессмертие подъезжающему к ней всаднику. Благодаря приобщению к богине или через ее адорацию он становится бессмертным героем или даже божеством, получая образ конного бога в зависимости от пантеона божеств, который был популярен в той или иной среде. Как правило, это фракийский Герос-Всадник (особенно если рядом со всадником изображалась собака), конный иранский бог Митра, фригийский лунный бог Мен, греческие конные боги Зевс, Посейдон Гиппий, Аполлон⁶⁷. На боспорских рельефах в образе сидящей женщины, очевидно, представлена богиня Всего Сущего – Властительница в образе царицы подземного мира Персефоны, о чем свидетельствуют плод граната и чаша с божественным напитком бессмертия. Плод граната был неизменным символом богини подземного мира и умерших и воплощал бессмертие души, как, впрочем, и сосуд с жертвенным вином или напитком бессмертия, который она держит в руках или который подают сопровождающие ее слуги-адоранты. Ритон, обычно изображавшийся в руках героизированного всадника, как и сосуд богини подземного мира, являлся атрибутом погребального культа и хтонических богов. Поэтому не случайно, что на подобных ритонах запечатлена сцена приобщения конного бога сидящей богине. Героизация умершего как конного божества не обязательно включала в себя вкушение сока граната или хаомы, часто это происходило путем надевания божественного венка на голову

⁶⁵ Иванова 1951, 30–32.

⁶⁶ Артамонов 1961, 62, 63. Рис. 6–7.

⁶⁷ В индо-иранском мире конь был вестником божественной воли, священной собственностью царя или знатного человека, поэтому его присутствие в сцене адорации богини или приобщения к ней должно было усиливать героизацию всадника (Жузьмина 1977, 109–112). О синкретизме образа конного бога в эпоху эллинизма см. Сапрыкин, Масленников 1998, 420–428.

всадника. Такой сюжет запечатлен на росписи погребального склепа из Свештари, на которой умерший мужской персонаж царского ранга подъезжает на коне к стоящей богине, протягивающей ему божественный погребальный венок, призванный сделать его бессмертным⁶⁸.

Сцена двух всадников, стоящих напротив друг друга, также связана с идеей бессмертия. Она запечатлена на погребальном рельефе I в. н.э. Эскина и Архия, сыновей Саббиона, из Пантикапея. Оба умерших сына представлены как всадники с горитами на коротконогих лошадях, причем один из них в кольчуге или облегающем костюме, а другой в плаще и штанах. Это изображение должно было продемонстрировать, что в жизни они были конными воинами⁶⁹. Еще одна аналогия – известная стела Агафа из Фанагории, на нижнем ярусе которой можно видеть двух стоящих друг перед другом всадников на спокойно идущих конях (у них одна передняя нога поднята). Связь данной сцены с погребальным культом подтверждается изображением погребального пира в верхнем ряду рельефа. На обороте стелы такая же сцена в виде двух всадников (один напротив другого), но под ногами лошади у всадника слева сохранились расплывчатые контуры какого-то животного, вероятно собаки (или пантеры)⁷⁰. Подобная сцена напрямую связана с героизацией и обожествлением персонажей. Об этом свидетельствует сюжет на обложке ритона из кургана Карагодеуашх, на котором изображены два всадника, стоящие напротив друг друга, один из которых, – скорее всего, бог Митра или близкое ему божество, – держит в руке ритон со священным напитком хаомой, а другой, очевидно, вождь или царь, приветствуя бога, готов взять у него этот напиток⁷¹. Но наиболее яркий памятник такого рода – сасанидские наскальные рельефы из Бешапур со сценами божественной инвеституры царей Шапура I и Бахрама I верховным иранским богом Ахура-Маздой, которые в образе конных воинов-триумфаторов получают от бога венок и ленты, что должно было означать их обожествление (или божественную героизацию по случаю военных побед)⁷². М.И. Ростовцев связывал сцены – со всадником, стоящим перед богиней, и с двумя всадниками, стоящими напротив друг друга, – с монархической идеей инвеституры – наделением божествами царей божественными полномочиями⁷³. Эта идея была уточнена и углублена тщательным исследованием в последующие годы означенных сюжетов на памятниках Боспора и Скифии. Признавая правомерность вывода о тесной связи таких изображений с памятниками малоазийско-фракийского круга, ученые отмечали, что они несут и следы местных северопричерноморских традиций. В частности, сцена со всадниками на ритоне из Карагодеуашха отражает как иранские, так и фракийско-эллинистические религиозные представления. В основе таких сцен лежит не политическая или идеологическая парадигма, а обычная религиозная составляющая, связанная с обожествлением и героизацией рядовых умерших людей и лиц царского рода и их окружения. Особенно четко эту идею выражают памятники погребального культа, в том числе и не всегда воспроизводящие богиню или бога и стоящего перед ними всадника. Этой идеей, в частности, пронизаны сюжеты на

⁶⁸ Чичикова, Иванов, Енев, Кръстев 1986, 73.

⁶⁹ Kieseritzky, Watzinger 1909, № 680; Давыдова 1990, 59, № 49.

⁷⁰ Кобылина 1948, 86; об изображении умерших в образе стоящих друг напротив друга всадников на боспорских надгробных рельефах см. также Kieseritzky, Watzinger 1909, № 682.

⁷¹ Ростовцев 1913. Табл. 1; Блаватский 1974, 38–44; Бессонова 1983, 115. Рис. 33.

⁷² Ghirshman 1962, 160–166. Pl. 202, 211.

⁷³ Ростовцев 1913, 13 сл.; 1913/1914, 191, 219, 313.

золотых бляшках из Куль-Обы с фигурами сидящей богини и стоящего мужчины, а также на бляшках со сценой побратимства двух скифов и т.п.⁷⁴

Опираясь на означенные аналогии, можно уверенно предполагать, что изображенными на надгробном рельефе из Артезиана лицами являлись сам Сосибий (его конная фигура представлена в нижней сцене рельефа) и его сыновья Дисак и Падаф (их фигуры в верхней сцене рельефа). Они все были воинами-кавалеристами, о чем свидетельствует их воинская амуниция. Этому не противоречат и находки на некрополе захоронений лошадей со следами прижизненных боевых травм. Отец семейства – Сосибий и два его сына, очевидно, пали в бою, поэтому в сознании соплеменников они были героизированы в облике всадников. Это вполне соответствовало сакральным представлениям греков и варваров, связанных с хтоническими культами и созданными на их основе мифологическими образами коней и всадников⁷⁵. Героизированный сюжет вполне соответствовал реальному захоронению боспорских кавалеристов. Отец и сыновья скорее всего были похоронены в одном склепе. Впрочем, где находилась их могила – неизвестно, так как стела обнаружена во вторичном использовании. Повреждения на ней показывают, что эта могила была осквернена, а надгробие грубо выломано. При его перемещении изображения были серьезно повреждены, а при опускании в гробницу 21 откололась и часть верха. Подобные кощунства, связанные с разорением могил, возможно, говорят о смене населения на городище Артезиан в I в. н.э., и не исключено, что это следствие гражданской войны между царем Митридатом III и его братом Котисом I, в которую вмешались римляне.

В перекрытии могилы «стела Сосибия и сыновей» лежала лицевой поверхностью вверх. Снизу ее поддерживала другая антропоморфная стела, установленная на боковую грань как подпорка поперек могилы, вплотную к ее западному бортику. Верхняя ее часть высечена в форме головы, плавно переходящей в прямые «плечи». Материалом же послужила плита из рыхлого желтовато-белого ракушечника длиной 0,88 м, шириной 0,40 м, толщиной 0,23 м. Изображений и надписей на этой стеле не зафиксировано.

Присутствие в составе населения крепости определенного воинского контингента, по крайней мере военных поселенцев, часть из которых была воинами-всадниками, не вызывает особых сомнений. В состав гарнизона крепости могли входить отдельные воинские подразделения царской армии или наемники. В этой связи не кажутся случайными находки терракотовых фигурок вооруженных всадников и их фрагментов⁷⁶. Многие фигурки представляют всадника-охотника в скифском (иранском) костюме с поднятой правой рукой, в которой он держит копьё, поражая бегущего зайца. Охотника, как правило, сопровождает собака, преследующая зайца. Некоторые фигурки представляют всадника во фригийском колпаке, плаще и распахнутом на животе кафтане (рис. 7). В основе этого типа терракот образ Фракийского всадника – Героса, который изображался на фракийских посвященных рельефах вместе с собакой, преследующей объект охоты – кабана, олененка или зайца⁷⁷. Данный образ синкретичный – в нем воплощены черты различных божеств греческого, фракийского и даже иранско-

⁷⁴ Кобылина 1948, 88; Бритова 1948, 53–56; Артамонов 1961, 62; Бессонова 1983, 114–116.

⁷⁵ Крыкин 1993, 218 сл.

⁷⁶ Винокуров 2002, 81, 82. Рис. 1–3; 2007, 377–381. Рис. 54, 1–2.

⁷⁷ Любенова 1980, 29–33. Рис. 29–31, 33, 36–38, 42, 44, 46; Gočeva 1986, 237–243.

Рис. 7. Терракотовые фигурки всадников

го пантеона, среди которых Посейдон, Аполлон, Дионис, Диоскуры, Зевс и т.д., из богов иранских это в основном Митра, а из анатолийско-каппадокийских – Митра, Мен и Аттис. Сцена охоты отражает идеи победы и подвига, что лежало в основе героизации и обожествления, а значит возрождения к жизни после смерти⁷⁸. Это обусловило популярность конного бога среди воинов, особенно служивших в кавалерии. Религиозный смысл и семантика таких изображений были близки грекам, иранцам, фригийцам, фракийцам и т.д. У фракиязычных варваров большой популярностью пользовались Сабазий и Аттис – фригийские боги производительных сил природы и всего сущего. Неслучайно, что фигурки всадников-охотников, обнаруженные на городище Артезиан, представляют их во фригийской одежде Аттиса или Мена-Аттиса, отличительной чертой которой был фригийский колпак.

Почитание Аттиса-Мена и Сабазия эллинизованными обитателями городища Артезиан убедительно подтверждается находкой терракотовой головки мужского божества с бородой, усами и густыми курчавыми волосами. Отличительная особенность этого персонажа – колоритная остроконечная фригийская шапка, которая покрывает почти всю голову целиком (рис. 8). Она свидетельствует о том, что это фригийское божество производительных сил природы круга Сабазия, Аттиса и Мена, которых обычно изображали в подобном головном уборе⁷⁹. Скорее всего, перед нами Аттис или Сабазий, поскольку остроконечный колпак Мена часто украшали солярно-лунарными символами. Если это так, то Аттис или Мен-Аттис фигурировали среди самых почитаемых богов у обитателей городища. Их функции покровителей природы и ее возрождения, дарователей военных побед, вопло-

⁷⁸ Сапрыкин 2009, 362.

⁷⁹ Ср. терракотовую фигурку сидящего бородатого Аттиса, играющего на сиринге из Пантикапея (Силантьева 1974. Табл. 17, 2) и особенно маску – головку молодого Аттиса во фригийском колпаке из Пантикапея I в. до н.э. (Кобылина 1978. Рис. 28).

Рис. 8. Головка Аттиса или Сабазия

тителей героизации и обожествления (это особенно касалось Аттиса) были наиболее близки мировоззрению воинов и земледельцев – катойков, занимавшихся на Артезиане сельским хозяйством и военным делом, в частности службой в конных отрядах. Эти боги были одинаково почитаемы греками, фрако- и ираноязычными боспорцами, которые составляли основную категорию жителей поселения⁸⁰. При этом, если принять во внимание распространенность в их среде фракийских личных имен в сочетании с популярностью фрако-фригийских божеств, естественно предположить, что фракоязычные поселенцы составляли едва ли не самую боль-

⁸⁰ О возможном присутствии эллинов среди обитателей поселения свидетельствуют вышеописанное надгробие с именами Сосибия и Дионисия и граффито на краснолаковой тарелке [...]ΦΙΛΟΥ ΜΕΝΗΣ с монограммой ΤΡΥ. Это остатки отчества с корневым окончанием [...]φιλου (вариантов восстановления множество) и личное имя Μένης, принадлежавшие владельцу тарелки, – τρύ(βλιον). Имя и патронимик явно греческие, и не исключено, что это один из обитателей городища – боспорский грек.

шую общину на городище, население которого было явно разноэтничным. С чем было связано пребывание там множества фракийцев или выходцев из фракоязычных областей Малой Азии, сказать сложно. Возможно, это последствие вхождения Боспора в состав Панпонтской державы Митридата Евпатора, который активно привлекал на службу балканских и малоазийских фракийцев. Но скорее всего это результат политики Аспурга, который организовывал катойкии на царских землях, включая в состав их населения фракийцев, попавших на Боспор вместе с его супругой – фракийской принцессой Гепипирией⁸¹.

Литература

1. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3, 93–146.
2. *Артамонов М.И.* 1961: Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 2, 57–87.
3. *Бессонова С.С.* 1983: Религиозные представления скифов. Киев.
4. *Бехтер А.П.* 2013: Предварительные замечания к IOSPE II². Эпиграфические памятники из фондов Херсонского краеведческого музея // ВДИ. 1, 9–20.
5. *Блаватский В.Д.* 1974: Стена инвеституры на Карагодеуашском ритоне // СА. 1, 38–44.
6. *Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.
7. *Бротова Н.Н.* 1948: Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК. 22, 53–57.
8. *Винокуров Н.И.* 1998: Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.
9. *Винокуров Н.И.* 2001: Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан в Крымском Приазовье // II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 18–22.
10. *Винокуров Н.И.* 2002: Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 5, 70–86.
11. *Винокуров Н.И.* 2003: Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК 13, 151–192.
12. *Винокуров Н.И.* 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 7, 79–88.
13. *Винокуров Н.И.* 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 50–60.
14. *Горнчаровский В.А.* 1993: Катафрактарии в истории военного дела Боспора // Петербургский археологический вестник. 6, 79–82.
15. *Горнчаровский В.А.* 2003: Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. М.
16. *Георгиев В.* 1977: Траките и техният език. София.
17. *Гиндин Л.А.* 1981: Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.
18. *Давыдова Л.И.* 1990: Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Л.
19. *Дашевская О.Д.* 1962: Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1, 173–194.
20. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 3, 141–179.
21. *Десятчиков Ю.М.* 1972: Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 4, 68–77.
22. *Дечев Д.* 1952: Характеристика на тракийския език. София.
23. *Доватур А.И.* 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей / В.В. Струве (ред.). М.–Л.

⁸¹ М.И. Ростовцев был совершенно прав, когда указывал, что «...во всяком случае несомненно, что и в смутные времена I в. фракийцы-солдаты, как ближайшие и воинственные соседи, должны были играть важную роль в Боспоре, и нет ничего естественнее, как предположить, что часть их поселена была на боспорской территории, как то делалось во всех эллинистических государствах (институт катойков) и как сделал, вероятно, Аспург, создав, по всей видимости, из своего верного войска, может быть местного происхождения, особое поселение...» (см. Латышев 1904, 15; ср. Ростовцев 1911, 40).

24. *Емец И.А.* 2005: Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М.
25. *Иванова А.П.* 1951: Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИИМК. 39, 27–35.
26. *Кобылина М.М.* 1948: Новый памятник боспорского искусства – стела Агафа // ВДИ. 4, 85–91.
27. *Кобылина М.М.* 1978: Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.
28. *Кругликова И.Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
29. *Крыкин С.М.* 1993: Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.
30. *Кузнецов В.Д.* 2006: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.
31. *Кузьмина Е.Е.* 1976: Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Историко-культурное наследие народов Средней Азии. 2. М., 1–72.
32. *Кузьмина Е.Е.* 1977: Конь в религии и искусстве сакв и скифов // Скифы и сарматы / А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 96–119.
33. *Латышев В.В.* 1904: Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИАК. 10, 1–91.
34. *Любенова В.* 1980: Иконографски преглед на оброчните паметници // Тракийски светилища. Тракийски паметници. Т. 2 / И. Венедиков, А. Фол (ред.). София, 29–33.
35. *Максимова М.И., Наливкина М.А.* 1955: Скульптура // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.). М.–Л.
36. *Марти Ю.Ю.* 1950: Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей // ВДИ. 4, 69–78.
37. *Масленников А.А.* 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. М.
38. *Матковская Т.А., Тохтасьев С.Р.* 2006: Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. I. Керчь, 179–210.
39. *Петерс Б.Г.* 1978: Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии / В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Петерс (ред.). М., 117–127.
40. *Пушаченкова Г.М.* 1966: О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 2, 27–43.
41. *Розанова Н.П.* 1951: К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 2, 210–213.
42. *Ростовцев М.И.* 1911: Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 40, 1–42.
43. *Ростовцев М.И.* 1913: Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 49, 1–62, 133–140.
44. *Ростовцев М.И.* 1913/1914: Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
45. *Русяева А.С.* 1987: Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 134–154.
46. *Русяева А.С.* 1992: Религия и культы античной Ольвии. Киев.
47. *Русяева А.С.* 2010: Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.
48. *Сапрыкин С.Ю.* 1996: Понтийское царство. М.
49. *Сапрыкин С.Ю.* 2002: Аспург, царь Боспора // ДБ. 5, 1207–223.
50. *Сапрыкин С.Ю.* 2002а: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
51. *Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В.* 1999: Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения / А.В. Подосинов (ред.). М., 201–209.
52. *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* 1998: Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире / Л.П. Маринович (ред.). М., 398–440.
53. *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* 2007: Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь–Керчь.
54. *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* 2007а: Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 4, 50–62.
55. *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* 2008: Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 3, 64–80.
56. *Сапрыкин С.Ю.* 2009: Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.
57. *Сапрыкин С.Ю., Белоусов А.В.* 2012: Письмо Кледика из Гермонассы // ДБ. 16, 348–359.
58. *Силантьева П.Ф.* 1974: Терракоты Пантикапея // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1–11. Терракотовые статуэтки – Пантикапей / М.М. Кобылина (ред.). М., 5–58.
59. *Сокольский Н.И.* 1971: Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
60. *Сокольский Н.И.* 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
61. *Соломоник Э.И.* 1984: Граффити с хоры Херсонеса. Киев.
62. *Толстой И.И.* 1953: Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л.
63. *Тохтасьев С.Р.* 1983: Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 2, 111–118.

64. *Toxтасъев С.Р.* 1986: Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 2, 138–145.
65. *Toxтасъев С.Р.* 1988: [Рецензия на книгу:] Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984 // ВДИ. 3, 167–178.
66. *Toxтасъев С.Р.* 1992: Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов (ред.). М., 178–201.
67. *Toxтасъев С.Р.* 2000: Из ономастики Северного Причерноморья. X–XVII // *Hypoboreus*. 6, 1, 124–156.
68. *Toxтасъев С.Р.* 2005: Граффити – письмо – лапидарные надписи // Борисфен-Березань: начало античной эпохи в Северном Причерноморье / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 136–149.
69. *Toxтасъев С.Р.* 2006: К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 10, 416–428.
70. *Toxтасъев С.Р.* 2010: Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. 38, 50–59.
71. *Трубачев О.Н.* 1999: *Indoagica* в Северном Причерноморье. М.
72. *Фролова Н.А.* 1997: Монетное дело Боспора. Ч. 1. М.
73. *Цветаева Г.А.* 1978: Обломок лепного сосуда с греческим граффити из Горгиипии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельд (ред.). М., 12–14.
74. *Чичикова М., Иванов Т., Енев М., Кръстев К.* 1986: Тракийската гробница от Свещари. София.
75. *Шкорпил В.В.* 1911: Боспорские надписи, найденные в 1910 году // ИАК. 40, 92–114.
76. *Штерн Э.Р.* 1897: Graffiti на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. 20, 163–199.
77. *Шургая И.Г.* 1983: Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 174, 96–100.
78. *Яйленко В.П.* 1977: Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира / М.М. Кобылина (ред.). М., 216–224.
79. *Яйленко В.П.* 1980: Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 3, 75–116.
80. *Яйленко В.П.* 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М.
81. *Яйленко В.П.* 1988: Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. 1987 г. М., 54–60.
82. *Bain D.* 1999: Six Greek Verbs of Sexual Congress (βινῶ, κινῶ, πηγίζω, ληκῶ, οἴρω, λαικάζω) // *CIQ*. 41. 1. 51–77.
83. *Boegehold A.L.* 1992: Two Graffiti from Ancient Corinth // *Hesperia*. 61, 3, 409–412.
84. *Blegen C. W.* 1934: Inscriptions on Geometric Pottery from Hymettos // *AJA*. 38. 1, 10–28.
85. *Chan-Hie-Kim* 1972: Form and Structure of the Familiar Greek Letter of Recommendation. Los Angeles.
86. *Deitschew D.* 1957: Die Thrakische Sprachreste. Wien.
87. *Diehl E.* 1923: Defixionum ostraca duo // *Latvijas universitates raksti*. T. VI. Riga.
88. *Exler F.X.J.* 1923: A Study in Greek Epistolography. Washington.
89. *Ghirshman R.* 1962: Iran. Partheset Sassanides. P.
90. *Gočeva Z.* 1986: Les traits caractéristiques de l'iconographie du cavalier thrace // *Iconographie classique et identités régionales* / BCH. Suppl. XIV, 237–243.
91. *Jeffery L.H.* 1961: The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.
92. *Kalinka E.* 1906: Antike Denkmäler in Bulgarien // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien / Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. 4. Wien.
93. *Kieseritzky G. von, Watzinger G.* 1909: Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B.
94. *Lang M.* 1976: Graffiti and Dipinti // *The Athenian Agora*. XXI. Princeton.
95. *Marek Ch.* 1993: Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen.
96. *Mihailov G.* 1976: Population etonomastique d'Asie Mineure en Thrace // *Pulpudeva*. 2, 68–80.
97. *Oikonomides A.N.* 1988: Graffiti and Dipinti Greek Inscriptions from the Excavations of the Athenian Agora at Kerameikos. Part II // *Horos*. 6, 39–54.
98. *Olson S.D.* 2002: Aristophanes: Acharnians, edited with introduction and commentary. Oxf.
99. *Pape W., Benseler G.E.* 1870: Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig.
100. *Robinson D.M., Fluck E.J.* 1937: A Study of Greek Love-Names. Baltimore.
101. *Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A.* 1995: Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Part I) // *ACSS*. 2, 3, 261–281.
102. *Saprykin S.Ju.* 2001: A Bosporan Fortified Settlement near the Modern Village of Novootradnoe in the Eastern Crimea // *North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies* / G.R. Tsetshkladze (ed.). Leiden, 285–293.
103. *Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A.* 1996: Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Part 2): Polis – Chora System in the State of Bosporus on the Threshold of the Christian Era // *ACSS*. 3, 1, 1–14.
104. *Talcott L.* 1936: Vases and Kalos-Names from an Agora Well // *Hesperia* 5, 348–352.

105. *White J.L.* 1972: The Form and Function of the Body of the Greek Letter. A Study of the Letter-Body. Montana.
106. *Young R.S.* 1940: Excavations on Mount Hymettos // *AJA.* 44. 1, 1–9.
107. *Zgusta L.* 1955: Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.
108. *Zgusta L.* 1964: Kleinasiatische Personennamen. Prag.

THE SITE OF ARTESIAN IN EASTERN CRIMEA (*Its Population and Cults*)

S. Yu. Saprykin, N. I. Vinokurov, A. V. Belousov

The authors present a survey of recent archaeological and epigraphic finds at the site of Artesian in Eastern Crimea. The settlement existed there in the Late Hellenistic period and was destroyed by fire in the middle of the 1st century AD during the Roman-Bosporan war of 42–49 AD described by Tacitus. The excavations of the settlement and its citadel show that hostilities between the Romans and the Bosporan supporters of the rebellious king Mithridates III took place on both Asian and European sides of the Bosphorus. The authors give a description of the traces of fire and destruction and ruins unearthed during the excavation of the citadel. They publish a graffito with fragments of school writing exercise, mentioning the names of schoolboys Salas and Doles. The graffito preserves a full Greek alphabet and a greeting formula and mentions Apatouros, the common Bosporan sanctuary of Aphrodite Apatoura. The pupils were obviously practicing in writing the words. At the same time the graffito contains an obscenity referring to the boy named Doles. Another object published here is a stele depicting horsemen and bearing the names of the deceased inhabitants of the settlement: Sosibios, son of Dionysios, and his sons Disakos and Padagos, who served in cavalry and were killed in a war. The analysis of the names on the graffito and the stele shows that the population of the settlement of Artesian included Greeks and Hellenised Bosporans of Thracian and Sarmato-Iranian descent. Such mixture is typical of the Bosporan katoikias about the beginning of the Christian era. The presence of the Thracian element is further confirmed by some finds having to do with the cult sphere: head of Attis in Phrygian helmet and terracotta figurines of a syncretic male deity resembling Thracian Heros. These finds, as well as personal names, enable the authors to conclude that people from Thrace or Thracian speaking areas of Asia Minor were among the population of the settlement.

Keywords: Artesian, Bosphorus, Rome, Aspurses, Thrace, Attys, citadel, katoikia, horsemen, the Thracian Horseman, the Seated Goddess, Apatouros.